
С.Б. Сорочан.

**Византийский Херсон (вторая половина VI —
первая половина X вв.). Очерки истории и культуры**

Харьков: Майдан. — 2005. — Ч. 1—2. — 1644 с.

Коллективная книга о Херсонесе I в. до н. э. — VI в. н. э. и С.Б. Сорочана — части единого замысла, хотя об этом не сказано прямо. Читатель приходит к такому выводу, судя по одинаковому составу редакционного совета, единообразию названий и оформления. Авторы коллективной монографии доводят изложение до конца поздней античности, то есть включая VI в., а со второй половины VI в. С.Б. Сорочан начинает историю византийского Херсона. Казалось бы, связь времен очевидна, однако немного смущает необычная деталь: большая часть царствования Юстиниана I (527—565) оказывается вне византийской эпохи. Сам концепт «поздней античности», появившись в контексте истории культуры западной части Римской империи, стал фактом современной историографии. Тем не менее, многие отмечают условность рубежа «конца античности», который обычно связывают с понтификатом Григория Великого (590—604).

Для Крыма не существует единообразия в определении грани между античностью и средневековьем. А.И. Романчук начинает историю византийского Херсона с VI в. как само собой

разумеющееся (Романчук 2005), для А.И. Айбабина «ранневизантийский Крым» — это время с середины III до конца IX вв. (Айбабин 1999), а обобщающее издание «Археология» начинает эпоху средних веков с IV в., как это принято в марксистской исторической науке (Крым 2003). Этот, казалось бы, теоретический (а для некоторых, возможно, и праздный) вопрос в книге С.Б. Сорочана приобретает практическое значение. Дело в том, что издавна спорные даты монументальных сооружений Херсона колеблются в пределах V — начала VII вв. Таким образом, четкие хронологические рамки монографии уже заранее предопределяют конкретные датировки, которые нуждаются в обосновании.

Объемная монография С.Б. Сорочана ставит амбициозную задачу нарисовать панораму всех сторон жизни Херсона на протяжении нескольких веков. Автору это удалось, благодаря обширной эрудиции и, конечно же, использованию результатов труда предшественников. Особая трудность заключалась в том, что многие вопросы остаются дискуссионными или недостаточно разработанными. В связи с этим автор стремился создать синтез, одновременно углубляясь в детали и широко

© Л.Г. ХРУШКОВА, 2009

обращаясь к источникам и археологическим отчетам. На многих страницах книги стиль изложения приобретает черты увлекательной научно-популярной прозы, антология письменных источников придает книге характер учебника, а стремление охватить все напоминает энциклопедию. Таким образом, определить жанр этого необычного издания нелегко, очевидно лишь, что столь масштабной сводки материала по истории Херсонеса VI—X вв. еще не было.

Введение содержит историографический обзор, сопровождаемый портретами исследователей. И здесь, и в дальнейшем читатель находит подробнейшую библиографию. Концепции А.Л. Якобсона об упадке города в эпоху «темных веков» противопоставлена идея А.Л. Романчук и др. исследователей о континуитете, эту мысль С.Б. Сорочан будет энергично проводить на протяжении всей книги. Дискуссии о континуитете между античным и средневековым городом (и шире — между двумя великими эпохами истории) давно ведутся и в западной историографии, но, кажется, одного общего закона для всех регионов Средиземноморья установить не удастся. Тем важнее конкретные исследования по регионам.

В первой главе «Свидетельства прошлого» автор подробно характеризует все виды источников: письменные, эпиграфические, археологические, включая монеты и печати. С.Б. Сорочан, безусловно, прав, предупреждая читателя о том, что *«рано говорить об окончательных итогах»* (с. 77). Действительно, в книге немало предположений, которые увлеченный автор склонен считать доказанными фактами, тогда как у осторожного читателя такого впечатления не складывается.

Глава 2 «Око и щит империи» посвящена истории Херсонеса конца правления Юстиниана I и его ближайших преемников, взаимоотношениям города с империей в контексте общего положения в Крыму. В главе 3 «Деловой город» рассмотрены вопросы экономики во второй половине VI—VII вв.: различные промыслы, керамическое производство, кузнечное дело и др. Здесь же автор касается хазарской проблемы. С.Б. Сорочан стремится собрать все данные для подтверждения своей главной мысли о том, что время после Юстиниана не было «темными веками». Тема главы 4 — Византия и хазары в Таврике. Автор развивает идею о том, что взаимоотношения хазар и византийцев в Крыму с конца VII в. можно охарактеризовать как «кондоминиум» — поня-

тие, которое в последние годы выдвинуто вместо представления о господстве хазар. Глава включает и церковную проблематику. Следует отметить, что эти вопросы в последнее время активно обсуждаются исследователями из разных стран (Zuckerman 2006).

Глава 5 носит полемический характер. Автор считает, что строительная техника кладки стен, так называемая кладка «в елку» (или в виде «рыбной кости») не связана с присутствием хазар. Чтобы доказать это, привлекаются материалы не столько Херсона (он упоминается лишь на с. 444—445), сколько других регионов Крыма, особенно Боспора. Речь идет не только о строительной технике, а и «хазарских слоях» в целом, и хазарском присутствии в Крыму. Действительно, если этот строительный прием (*opus spicatum*) был известен античному миру, можно ли его связывать исключительно с хазарами (Крым 2003)? По крайней мере, сочетание кладки «в елку» с известковым раствором, содержащим дробленую керамику (так называемая цемянка), отмеченное в Сугдее (с. 424), указывает на византийскую строительную культуру. Эта глава дает интересный пример того, как частные строительные-технические особенности связаны с широкой исторической проблематикой.

Глава 6 посвящена вопросу экономического состояния города в VIII в. и одновременно — опровержению вывода А.Л. Якобсона о том, что в это время город обезлюдел и обнищал (с. 451). С.Б. Сорочан подчеркивает, что для периодов процветания археологические свидетельства бедны и что *«следы нормальной жизнедеятельности вообще трудно уловить в культурном слое городища, который фиксирует прежде всего разрушения»* (с. 452). Это правда: слои разрушения археолог замечает легче всего. Но не рискуем ли мы впасть в крайность, если отсутствие культурных остатков будем считать показателем стабильной жизни? Помоему, это наблюдение не стоит абсолютизировать. Археологические ситуации очень различны, нередко слои разрушения перемежаются слоями, содержащими свидетельства спокойной жизни, особенно если речь идет о жилых постройках. Кроме того, периоды стабильности хорошо представлены в архитектурных сооружениях. Но проблема состоит в том, что в Херсоне их хронология и строительная история еще далеко не выяснены.

Вряд ли стоит связывать с эпохой «темных веков» энколпионы («сирийские кресты») с изображением Христа в длинной тунике. Когда-

то Н.П. Кондаков датировал их VIII в. (с. 456), но сейчас их относят ко времени не ранее X в. Поскольку в самом Херсоне археологических материалов VIII в. действительно мало, автор ссылается на благосостояние других центров (Мангуп, Бакла).

В главе 7 «Рождение фемы» С.Б. Сорочан анализирует причины неустойчивости византийско-хазарского соправления и те факторы, которые привели к созданию фемы, в контексте политики Византии и Хазарии. Здесь же подробно рассмотрены спорные вопросы церковной истории, в том числе знаменитое «дело» епископа Иоанна Готского. В последние годы много пишут об отношении церковных иерархов Таврики к иконоборческой политике Константинополя. Мнение об иконопочитательской ориентации Крыма С.Б. Сорочан считает одним из «*мифов современной историографии*» (с. 493). В этой главе, как и в других, очевидно, что автор склонен к полемической заостренности проблемы, акцентируя внимание на тех фактах, которые подтверждают его идеи.

Некоторые проблемы выходят за рамки истории Херсона, хотя связаны с ней. Речь идет о времени возникновения пещерных монастырей — вопрос остается открытым (с. 497—498), о том, когда был построен Саркел (с. 581); здесь же находим отступление о локализации Фулл с огромной библиографией (с. 516—526). Мы еще раз убеждаемся в том, что большое количество публикаций не всегда проясняет вопрос, поскольку источники не в состоянии удовлетворить возрастающее любопытство исследователей.

В главе 8, посвященной государственному устройству Херсона, автор энергично опровергает господствовавшее ранее мнение о наличии в городе признаков самоуправления, остроумно называя их «призраками самоуправления». По мнению С.Б. Сорочана, Херсон не обладал никакими особыми привилегиями и на протяжении VI—IX вв. был обычным византийским провинциальным городом (с. 677).

Вторая, большая, часть книги открывается главой 9 «Город строящийся», в которой речь идет о топографии и архитектуре Херсона. Эта глава на более 350 страницах могла бы стать самостоятельной монографией. Вначале автор рассматривает оборонительную систему, а затем — церковное строительство, настаивая на идее «архитектурного бума» в последней трети VI — начале VII вв. или даже еще позднее. Этот вывод сформулирован уже в начале изло-

жения: на с. 716 перечислены практически все известные церковные здания, которые «*сооружены, скорее всего, в позднеюстиниановский период и позже, до второй — третьей четверти VII в.*» (с. 716). В дальнейшем эта мысль повторяется многократно, но часто уже без оговорки «*скорее всего*».

Между тем читателю хорошо известно, что подавляющее большинство церквей Херсона не имеют устойчивой датировки, и в некоторых случаях разброс мнений исследователей необычайно велик — от V—VI до X—XII вв.* Таким образом, идея о строительном буме в конце эпохи Юстиниана и после него остается в сфере предположений со времен А.Л. Бертье-Делагарда. С тех пор, в течение столетия, новых существенных аргументов в пользу этого мнения не появилось. По-прежнему «*царицей доказательств*» является знаменитая медная монета из клада, найденного под стеной нартекса Уваровской базилики. Она отчеканена либо при Юстине II (565—578), либо при Маврикии (582—602). Однако стратиграфическое положение монеты не бесспорно, о чем пишет и сам С.Б. Сорочан (с. 768—769). Но даже если бы мы имели здесь безукоризненно «*закрытый*» комплекс, все-таки одной монеты недостаточно, чтобы датировать всю большую группу херсонских церквей. Если же использовать популярную в Крыму идею о длительном бытовании монет в Херсоне, ничто не мешает отнести Уваровскую базилику к VIII в. — к эпохе «*темных веков*». Но как согласовать поздние даты с архитектурой базилики, столь типичной для V в.?

Именно конкретного анализа архитектуры и декорации недостает в работах последних лет. Почти не принимается во внимание такой важный датирующий фактор, как мраморные изделия проконнесского происхождения, которые в свое время успешно изучали А.Л. Якобсон и С.А. Беляев. Капители, представленные на рис. 319, датируются первой половиной VI в., а не VI—VII вв., как пишет С.Б. Сорочан; ионические импостные капители (рис. 326) относятся к VI в., а не к VII—IX вв., как считает автор. Упомяну и о капителях с мелкозубчатым аканфом (отличный представитель этого типа находится в экспозиции Херсонского музея), типичных для V в.

Помимо мрамора, более тщательное изучение напольных мозаик, стандартных для V—

* Основная библиография: прим. 127 на с. 716—717. Об этом писала и я (Хрушкова 2004)

VI вв., также помогло бы выяснению времени строительства сооружений. И еще одна возможность — изучение строительной техники, в том числе кладки *opus mixtum* в Херсоне и его округе. Таблица, приведенная С.Б. Сорочаном на с. 704—705, полезна, но не ясно, на чем основаны приведенные в ней даты херсонских построек. Они существенно отличаются от дат, установленных для этого типа кладки в Константинополе и других регионах империи. Таким образом, возможности уточнения хронологии церквей Херсона еще не исчерпаны.

По моему мнению, полезным было бы подробное рассмотрение херсонских церквей в контексте ранневизантийской архитектуры. С.Б. Сорочан говорит о хронологической близости церквей Равенны и Херсона (с. 713), однако большинство церковных сооружений Равенны относится к V в. и юстиниановской эпохе. Интересен вопрос о ведущей роли архитектуры византийской столицы для Херсона — этого мнения придерживаются многие, в том числе и С.Б. Сорочан. Но как эта мысль согласуется с предлагаемой автором хронологией? Уваровская базилика очень близка к двум столичным церквям — Студийской и Халкопратийской, обе построены около середины V в. Однако если датировать херсонские базилики второй половиной VI — началом VII вв., каким образом Константинополь мог повлиять на Херсон? Ведь в столице в то время базилик с деревянным перекрытием не строили. Говоря о влиянии столицы, можно упомянуть и о крестовидном типе. Огромная константинопольская церковь св. Апостолов (если она была крестовидной), не дала никаких реплик ни в самой столице, ни вблизи нее. Исходя из этого, крестовидные церкви, столь популярные в Херсоне, следует искать в другом месте.

Чтобы обосновать поздние даты церковного строительства в Херсоне (с 560—570 гг. до начала VII в.), автор ссылается на природные катаклизмы, хотя и осознает хрупкость этого аргумента (с. 754—756). Однако ссылки на Константинополь вряд ли что-то доказывают. Византийская столица часто страдала от землетрясений, но не следует забывать, что она расположена в зоне повышенной сейсмической опасности (внутри так называемой Североанатолийской системы разломов), чего, к счастью, не было в Херсоне.

Особый вопрос — о литургии и литургических устройствах. В последнее время археологи из стран Восточной Европы увлечены этой темой, которая, по понятным причинам, мало

развивалась в предшествующую эпоху. Это, безусловно, положительное явление. Однако вследствие крайней фрагментарности источников, как письменных, так и археологических, эти вопросы относятся к числу сложнейших в археологии раннехристианской эпохи. Прежде всего, проблему составляют архитектурно-литургические термины. Например, не ясно, что подразумевает автор под словом «придел»: придельную церковь с самостоятельным освящением престола или это синоним слова «притвор» (если я правильно догадываюсь)? Какой смысл вкладывается в многозначное слово «часовня»?

Именно в этом разделе встречаем немало непонятных описаний и терминов, недоказуемых предположений, неточностей и просто фактических ошибок. Это и «*боковые апсиды справа и слева*», которых нет в базиликах Херсона (с. 718), и мощи, которые помещались под престол, начиная с VII в., по мнению автора (с. 721, 728), и боковые экседры апсиды-трифолия, якобы служившие протесисом и дякоником (с. 723), и определение посвяtitельной формулы «в моление за ...» как эпитафии (с. 774), и амвон в виде «*прохода или коридора*» (с. 766), и размещение «жертвенного стола» в нартексе (с. 776), и «трапезы любви» с возлияниями в конце VI в. (с. 774—775), и «*проскомидийник, возле которого священнодействовали пресвитер и диакон, находившиеся в приделе*» (с. 777), и омофор как синоним мафория (с. 816). Подобных примеров можно привести еще много. Впрочем, автор и сам признает, что «*разобраться во всем этом*» удастся далеко не всегда (с. 719). Но с одним утверждением С.Б. Сорочана вполне можно согласиться: едва ли литургические устройства могут служить надежным датирующим критерием (с. 770).

Вызывают сомнения некоторые наблюдения архитектурного характера. Среди раннехристианских базилик Херсона нет сводчатых, как считает автор (с. 894), нет их и на реконструкциях, которые видим в книге. Я не думаю, что храм № 29 на агоре Херсона походит на Драндскую церковь в Абхазии, где купол непосредственно, без парусов, опирается на части стен, описывающие в плане круг. В архитектурных описаниях также встречаем непонятные выражения: «*не купольное, а сводчатое и отчасти стропильное, черепичное покрытие на барабане*» (с. 861) или «*сводчатые арки*» (с. 969).

Таким образом, выводы и наблюдения автора о хронологии церквей, их архитектуре, деко-

рации и литургических устройствах вызывают вопросы и сомнения. И напротив, удачна топографическая картина города, в том числе и в связи со стациональной литургией, когда речь идет о перенесении мощей св. Климента. Некоторые выводы достаточно убедительны, например, идентификация Восточной базилики как храма апостола Петра (с. 880), или посвящение церкви на агоре св. Василию (с. 886), или связь загородного комплекса на главном кладбище с епископами-мучениками Евгением, Агафодором и Елпидием (с. 856). Можно допустить, что св. Василий был погребен в подземном ипогее («часовня Г») в комплексе позднейшей Западной базилики (с. 840). Жаль только, что очень мелкий чертеж этого сооружения (рис. 269, обмер автора) не дает о нем ясного представления и, кажется, не совпадает с описанием. Что касается крестовидной церкви, расположенной на остатках театра, доказать здесь наличие мощей св. Сергия и Вакха очень трудно.

Эта обширная глава содержит другие интересные наблюдения, например, о назначении гидротехнических устройств, расположенных под загородным храмом. Картины культового строительства в Херсоне дополняют сведения о сельских церквях Юго-Западной Таврики эпохи «темных веков» (с. 1007—1011).

Помимо церквей, в этой главе рассмотрены и различные общественные сооружения: бани, больницы, странноприимные дома, богадельни и др. В этом случае автор сталкивается с обычной трудностью идентификации. Если баню опознать легко, то благотворительные учреждения можно определить только гипотетически. Было ли, например, «загадочное общественное сооружение», примыкающее к водохранилищу, больницей? Использовалась ли чаша монаха Константина для кровопусканий (с. 973—977) или для каких-то мирных целей? Трудно сказать, в таких случаях интерпретация зависит от воображения исследователя. Интересны наблюдения относительно комплекса административного центра — фемного претория IX—X вв. (с. 997 и сл.), который включал и небольшую трехапсидную церковь (базилику?).

Главу завершает обширный список общественных, церковных и светских сооружений Херсона VI—X вв. с указанием датировок, к которым читатель, вероятно, отнесется с осторожностью.

Важная и интересная глава 10, озаглавленная «Смерть в Херсоне», обобщает большой материал о городских некрополях, погребальном обряде, могильных конструкциях и над-

гробиях, инвентаре. Автор отмечает такие черты, как преемственность с некрополем античной эпохи (с. 1091), многократное использование склепов. В Херсоне, как и в других городах, перемещение захоронений в город и постепенное увеличение их числа обусловило важные изменения. Это один из существенных факторов превращения города античного в город средневековый. Продолжением этой большой темы могло бы стать обобщение сведений о погребениях в церквях.

Глава 11 посвящена положению города во второй половине IX в., когда экономическая жизнь сохраняла многие черты предыдущего периода: горожане добывали соль и рыбу, продолжали использовать рыбозасолочные цистерны, занимались керамическим и другими ремеслами. К концу IX в. особое значение приобрела торговля.

Глава 12 «На переломе эпох» характеризует важный хронологический рубеж — конец X в., который завершает историю раннесредневекового Херсона (с. 1220).

Заключение подводит итоги исследования. Один из главных выводов — сохранение преемственности средневекового Херсона с античным Херсонесом. В «темные века» Таврика была одновременно в составе и Хазарии, и Византии (с. 1213—1214). Английское резюме является переводом Заключения.

Далее следует обширная антология письменных источников, занимающая более 300 страниц. В ней представлены извлечения из текстов разноязычных источников. Можно предположить, что автор, профессор Харьковского университета, адресует этот раздел в основном студентам. Вместе с тем многочисленные и подробные комментарии представляют самостоятельный исследовательский интерес, например, топографический комментарий к документам о перенесении мощей св. Климента (с. 1442—1476). О частностях можно спорить, но главное, удачен сам подход сопоставления письменного источника и археологического факта.

В качестве приложений помещены статьи К.Э. Гриневича («Четырехапсидное здание в Херсонесе»), Н.А. Алексеенко («Таможня и коммеркирии Херсона»), А.В. Иванова («Население византийского Херсона по данным антропологии»), которые интересны и вполне уместны в этом издании.

В монографии С.Б. Сорочана есть и упущения. С сожалением приходится отметить снижение уровня редакторской работы в ряде издательств, выпускающих научную продукцию. Это

касается и таких необходимых элементов научного аппарата, как указатели (именной, географической, иные) и общая библиография. Их в книге нет. Отсутствие библиографии особенно досадно, поскольку оно в какой-то степени обесценивает колоссальный труд С.Б. Сорочана по созданию полной сводки публикаций работ, посвященных византийскому Херсону. Едва ли читатель быстро отыщет интересующее его издание, зашифрованное как «Указ. соч.» в подстрочных примечаниях, набранных шрифтом 10, на пространстве более полутора тысяч страниц.

Качество иллюстраций можно оценить как весьма посредственное: очень мелкие, часто неясные, они размещены на страницах в виде маргиналий. От такого «метода» особенно пострадали чертежи. Речь идет о книге, в которой автор часто ведет полемику, предлагает свои гипотезы, высказывает новые идеи, и при этом он не всегда имеет возможность подтвердить свои аргументы документацией. Редактор мог бы устранить и опечатки, например, «писк активной экспансии» (с. 173), или неправильное написание фамилий (Оузепи вместо Озепи на с. 495, Дарруже вместо Даррузес на

с. 519). Разумеется, это несущественные мелочи для такой большой книги.

Монография С.Б. Сорочана является настоящей энциклопедией Херсона на протяжении нескольких веков его византийской истории. Она не отменяет труды предшественников (А.Л. Якобсон и др.) и современников (А.И. Романчук и др.), но дает отличное представление о том, как далеко ушла археология Крыма за последние десятилетия. В то же время нерешенные вопросы (особенно хронология) указывают дальнейшее направление исследований. Книга является заметным вкладом в византийскую археологию в целом, ее значение выходит за пределы Украины. Очевидно, она найдет читателей в разных странах Восточной Европы.

В целом нет сомнений, что оба издания: коллективная монография «Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.» и книга С.Б. Сорочана о византийском Херсоне, составляющие как бы две створки одного монументального диптиха, являются значительным достижением в изучении истории Крыма.

Л.Г. ХРУШКОВА

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века / Отв. ред. Т.И. Маркова, С.А. Плетнева. — М., 2003.

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000. Нем. пер.: Romanчук A.I. Studien zur Geschichte und Archaologie des byzantinischen Cherson (Hrsg. H. Heinen). — Leiden; Boston, 2005.

Хрушкова Л.Г. Христианские памятники Крыма. Состояние изучения // Византийский Временник. — 2004. — № 63 (66). — С. 167—194.

Zuckerman C. (ed.). La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. — Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, Monographies 25 — Paris, 2006.

Одержано 04.09.2007